

Книги Андрея Круза
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Диалогия
«У ВЕЛИКОЙ РЕКИ»

**У ВЕЛИКОЙ РЕКИ. ПОХОД
У ВЕЛИКОЙ РЕКИ. БИТВА**

Цикл
«ЭПОХА МЕРТВЫХ»

**ЭПОХА МЕРТВЫХ. НАЧАЛО
ЭПОХА МЕРТВЫХ. МОСКВА
ЭПОХА МЕРТВЫХ. ПРОРЫВ
Я ЕДУ ДОМОЙ!
ОТ ЧУЖИХ БЕРЕГОВ
ТЕ, КТО ВЫЖИЛ**

Цикл
«ВЕТЕР НАД ОСТРОВАМИ»

**ВЕТЕР НАД ОСТРОВАМИ
БЛИЗИТСЯ БУРЯ**

В соавторстве с Марией Круз

Цикл
«НА ПОРОГЕ ТЬМЫ»

**НА ПОРОГЕ ТЬМЫ
ДВЕРИ ВО ТЬМЕ
ВОЗЛЕ ТЬМЫ. ЧУЖОЙ
СТРАННИК**

Трилогия
«ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ»

**ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ. ИСХОД
ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ. НОВАЯ ЖИЗНЬ
ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ. ЗА ДРУГИ СВОЯ**

Книги Павла Корнева
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТЯ**

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ**

Цикл
«ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК**

В соавторстве
с Андреем Крузом
**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК**

Цикл
«ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ КРУЗ, ПАВЕЛ КОРНЕВ

ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК

РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К84

Серия основана в 1992 году
Выпуск 978

Художник
И. Воронин

Круз А., Корнев П. Н.
К84 Холод, пиво, дробовик: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 379 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2126-8

Приграничье — несколько городов, неведомой силой вырванных из нашего мира, но так и не ставших частью другого. Обитатели тех мест давно приспособились к холоду и ледяным ветрам, наловчились справляться с исчадиями Стужи и отстреливать бандитов, но от удара в спину не застрахован никто. И когда приходит беда, остается уповать лишь на собственные силы и помощь друзей. Собственные силы, помощь друзей да еще дробовик. Никогда не стоит забывать о дробовике...

Хмель и Клондайк снова в деле!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Круз, Корнев П. Н., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2126-8

Клондайк

31 декабря, канун Нового года

От Лазурного Солнца до новогодних праздников проходит всего ничего, да еще в промежуток католическое Рождество втискивается. Что это означает конкретно? А то, что население Форта, да и не только Форта, все это время практически не просыхает.

Нет, с Лазурным Солнцем все понятно, на Лазурное все пьют, подчас даже те, кто в остальное время от излишеств воздерживается. Алкоголь объективно помогает в эти нехорошие дни, а непосредственно в самый нехороший час Черного Полудня так и местные медики порекомендуют быть «в дрова», чтобы на нервы и душу так не давило чужеродное. А вот с чужеземным Рождеством понимания уже куда меньше: мы тут при чем? Но для многих оно тоже прекрасный повод продолжить банкет. Просто по инерции, я думаю, не будь нехороших дней перед этим — никто бы так не отрывался. А тут выходит, что Черный Полдень закончился — и сразу же с католиками праздновать пора. Всем поводам повод получается. Поэтому надо быть готовым к тому, что с самого Лазурного Солнца и, пожалуй, до старого Нового года никакой нормальной работы здесь нет. Это если ты хочешь, чтобы кто-то что-то сделал для тебя. Забей и забудь.

Зато в это время много покупают, в том числе и у нас, в «Большой охоте». Поэтому, вместо того чтобы разделять радость с отмечающими католическое Рождество, я сидел больше в своей мастерской, что в подвальчике под магазином, и снаряжал патроны, переставлял ложа, гравировал рамки револьверов и ресиверы ружей, и так до бесконечности. В такой период хороший день подчас способен год прокормить.

Мой партнер по бизнесу чародей Саня — худой, похожий на хиппи парень — в ходе наших недавних приключений постра-

дал от тяжелого энергетического истощения, так что помогал мне сейчас больше в качестве грубой рабочей силы. Для того чтобы делать свою работу, то есть изготавливать и заряжать амулеты, он еще не восстановился. А амулеты спрашивали постоянно, потому что в прошлом году Саня изобрел «новогодний фейерверк» — такую деревянную пирамидку в проволочной оплетке и со спрятанным внутри хрусталиком, которую стоило воткнуть в снег, отломить колпачок, и она начинала выбрасывать в небо на удивление похожие на настоящие россыпи звезд, потоки искр и даже всевозможных огненных птиц. Игрушка была дорогой при весьма небольшой себестоимости, но обитатели тех же Полян брали ее с радостью, а в этом году так чуть не потоком за ней пошли, но у Сани осталось всего тринадцать штук прошлогоднего неликвида. Обидно.

Как бы то ни было, но народу в магазине хватало, и с восемнадцатого декабря, когда закончилось Лазурное Солнце, и до самого тридцать первого, до кануна Нового года, мы работали без перерывов и выходных. И все равно остались почти что без товара, хоть и с хорошей прибылью. Впрочем, товар в немалой степени разошелся не на подарки, а на «казенные закупки», потому что Патруль и городская СЭС постарались с пользой потратить остатки со счетов, чтобы им в следующем году финансирование не урезали.

Так что утро тридцать первого декабря застало меня сидящим в подвале с чашкой горячего чая с лимоном, а заодно и с кучкой чеков и калькулятором, сводящим графы «дебет» и «кредит» в большой книге, и цифры вызывали некое моральное удовлетворение. Надо только сразу же после праздников чесать за новой порцией товара, а то хоть магазин закрывай. Ну или переводи его в режим работы «мастерская» покуда.

Наверху в очередной раз звякнул колокольчик над дверью, затем едва слышно донеслись голоса — еще кто-то зашел, Саня разбирается. Я глянул на часы — «Центральный городской банк» сегодня до двух работает, и там наверняка будет очередь из таких же, как я, торговцев, и чем ближе к закрытию — тем длинней очередь. Так что если я хочу обналичить чеки, лучше сделать это как можно раньше.

Допив чай, сложил чеки в конверт, а конверт убрал в кожаную сумку на ремне, книгу закинул в сейф, закрыв его и кольцом активировав защиту, взял со стола и надел на плечи, прямо на свитер, «оперативку» с шестизарядным «Ругер Рэдхоук» — относительно небольшим и очень добротным револьвером под

калибр .45 «длинный кольт», со стволом в четыре дюйма. Не верх скрытности, разумеется, все равно здоровый револьвер, но из того, что продаю я и что можно считать достаточным для местных задач, — самое компактное. Вообще я наплечных кобур не люблю, из поясной оружие куда быстрее извлечь и навести на цель можно, но только не из-под тулупа. А в тулупе проще именно к «оперативке» дотянуться.

А вот второй ствол — двуствольный «дерринджер» от «Бонд Армз» — пошел уже на пояс, это страховка. Причем заряжен он ружейными патронами калибра .410, оба с зажигательной картечью. А еще у меня с собой нож, а еще амулет от пуль, а еще у меня перстень, от которого включаются все мои сигналки и который распознает меня, а еще один перстень со шшитым «Щелчком» — заклинанием, которое может или с ног кого-то снести, или даже дверь высадить. Зачем это все?

А жизнь тут такая. Да и врагов хватает, так уж вышло. А как мне раз сказали, а я следом не раз повторял, — в Форте у нас разгар девяностых, да еще и с большой примесью магии и постапокалипсиса. Так что вот так и живем. Но я привык. И мне даже здесь не так уж и плохо.

Я посмотрел на лежащий на столе револьвер, такой же «рэдхоук», как и тот, что у меня в кобуре. У этого под стволом нечто вроде трубочки, в трубочке еще один «Щелчок», из деревянного цилиндрика с проволочной спиралькой, подзаряжаемый. Полезная вроде идея — вместо первого выстрела можно попытаться противника вырубить. Ну хотя бы для того, чтобы лишний грех на душу не брать, дать шанс передумать, так сказать, тем более что амулеты против пуль от «Щелчка» не спасают. А если не передумал, можно стрелять уже в неподвижную цель, что намного проще. Однако проблемка с активацией. Давить на торец амулета, как это делается обычно, под стволом неудобно, а дистанционки все оказываются ненадежны. Пусть Саня, как оклемается окончательно, дальше думает. Выводит что-то на рукоятку, например. Под большой или средний палец.

Этот револьвер я убрал в металлический шкаф, сейчас на удивление пустой, и запер его на замок. Взял дубленку с вешалки, накинул, прихватил перчатки и плотную вязаную шапку. Хоть и в машине буду, но... Приграничье, одним словом. В Приграничье *холодно*. И это смело можно писать с большой буквы. Хо-лод-но. Все.

Когда поднялся наверх, в магазин, увидел там одного Саню, переключившего в витрине «своего» прилавка амулеты.

— Что-то взяли? — спросил я.

— Да, женщина «телохранителя» взяла, — кивнул он. — Кстати, она про Милу спрашивала.

— А что за женщина? — насторожился я. — Не ведьма?

— Я ничего такого не почувствовал. Такая... — он чуть запнулся, подбирая слова, — ...да вроде самой Милы. Спросила ее, и все.

— А ты...

— А я ответил, что она уехала в Северореченск.

Ну да, так мы и договорились. Почему именно в Северореченск? Потому что так и не смогли придумать, как вообще ее отъезд объяснять. Мила просто взяла деньги из сейфа, ружье, карабин, мой пикап и все свои вещи, извинилась в записке — и укатила. И если учитывать все те события, что творились тогда вокруг нас, уехать она могла по... ну какой угодно причине. Поэтому мы, посоветовавшись, решили, что «уехала в Северореченск» — самый нормальный и безобидный вариант. До сих пор о ней не спрашивали.

— Ладно, все правильно, — кивнул я. — Тогда ты на хозяйстве, а я погнался в банк.

— Закрываемся во сколько?

— Да тоже в два, как и все, — пожал я плечами. — Я часов в шесть приеду, наверное.

— А начало во сколько?

— На девять договорились, чтобы к двенадцати в лоскуты не быть.

«Начало» — это мы в пабе у Хмеля собираемся, Новый год встречать. Если в девять за стол сядем, то к полуночи все равно хороши будем, да и не начнет никто в девять, так не бывает, в этот день все раньше начинают, просто в другом месте. Мне вот точно придется хоть по чуть-чуть, но в паре мест принять еще днем. А уж когда закончим... это вообще другой вопрос. Не будем пока им задаваться, ну его. Весело будет, этого достаточно. А завтра все равно бездельный выходной, полечимся.

Так, и еще у меня с собой сумка с подарками заготовлена. Ничего такого особенного, но к празднику я их раздаю всем, с кем работаю. Так, чтобы не забывали просто. Сумка стояла за прилавком, откуда я ее и вытащил.

Через задний ход вышел во двор нашего общего с Хмелем особнячка, вошел в гараж, устроенный в арке, которую я про-

сто с двух сторон закрыл воротами и куда влезало как раз две машины, если вплоты ставить. Ближним ко двору и дальним от выхода вытянулся во всю свою немалую длину белый «сабербен», или, как его чаще звали в Форте, «субур». Самая, можно сказать, «пацанская» машина здесь, а я на ней езжу лишь потому, что все местные «субуры» мы с Платоном сюда и притащили. Ну и потому что большой, удобно большой группой выезжать. Вместо колес у него гусеницы — тоже опять же наш товар. И из-за этих гусениц он у меня по городу не ездит. Вроде в гарантии и написано, что ресурс там чуть ли не безграничный, но это на само изделие, а вот как подвеска и прочее среагирует? Так что это для выездов за город по известным делам.

А ближе к воротам стоит красный фордовский пикап F-150 с пятиместной кабиной, который у меня сейчас за разъездной в городе. Вот он как раз раньше на гусеницах бегал, но я их обратно на колеса заменил. Ну и два мешка с песком в кузов закинул, чтобы зад был потяжелее и не буксовал где не надо. На нем я и поеду.

Движок завелся сразу, тут на все машины магические подогреватели устанавливают, а я, пока гараж совсем не задымился, кинулся ворота поднимать.

После Лазурного Солнца наступает если и не оттепель, то какое-то потепление, которое до Нового года примерно и длится. Чуть дольше. Его тут «качелью» называют, потому что в Лазурное Солнце Стужа наваливается на Приграничье изо всех своих сил, словно стремясь успеть выморозить из этой скудной разрушенной земли все, что получится, за время своего бенефиса, а затем она вроде как устает и немного отступает, на пару шагов. Температура падает до двадцати, пятнадцати, а подчас и до десяти градусов мороза, так что вот именно эти дни здесь любят.

Тротуар вдоль дома машинами заставлен полностью, а это означает, что в пабе у Хмеля народу полно. У него сейчас тоже в день выручка как в другое время за неделю капает. Пару машин узнал, постоянные клиенты паба, с кем уже здороваешься. У Хмеля в большинстве постоянные.

До банка от нас недалеко. По Красному проспекту, на котором мы и расположены, никуда не сворачивая, до Торгового угла — небольшой площади, заполненной все больше небольшими магазинами из недорогих. Людей на тротуарах было неожиданно много — видать, обрадовались неожиданному почти что теплу, вот все разом и вывалили. На площади Павших чуть

не до небес поднималась невероятной высоты елка, к тому же переливающаяся огнями, осыпающая сама себя искрами, а вокруг ее вершины гонялись друг за другом крошечные разноцветные кометы. Елка была иллюзией, эдаким новогодним подарком городу от Гимназии. Еще одна должна быть у Пентагона, там чародеи Братства расстарались, и еще что-то обычно организовывали ведьмы из Лиги, но в этом году им, похоже, не до елок.

На самой площади выстроили целый детский городок, залил множество горок разной высоты, и сейчас там чуть ли не половина детей Форте собралась с родителями. Ну а ближе к Красному на всякий случай стояли бело-синие «буханка» и «козлик» Дружины, и сами дружинники в толстом зимнем камуфляже стояли там кучей, кажется разливая чай из термоса.

Как-то все мирно очень и вообще на праздник похоже. И музыка играет, все новогоднее на всех языках, что найти смогли, как мне кажется. Вот прямо сейчас — «Let it Snow» Синатры, что я всецело одобряю. Даже настроение поднялось, хоть его и так плохим нельзя было назвать. Все же канун Нового года — это самый праздник из праздников в году. Правда, в Америке я его на Рождество поменял, чтобы от других не отставать, но разницы никакой.

По фасаду «Морга», как без всякого мрачного смысла называли самый дорогой в Форте доходный дом, которым владел маг Гадес, носились гуськом разноцветные огоньки, выписывая банальное «С Новым годом!», и я даже задумался — это сам Гадес организовал? Репутация у него была человека желчного и сварливого, так что если это он всех поздравляет — я сильно удивлюсь.

А вообще, в последнюю пару лет многие начинающие или не слишком удачливые чародеи открыли для себя новый рынок — рекламы и наружного оформления. Не знаю, кому первому пришла в голову эта мысль, но старые вывески на дорогих местах, банальные и скучные, постепенно начали сменяться магическими наворотами, сверкающими, прыгающими и часто убегающими за грань хорошего вкуса, но на фоне той серости и разрухи, что царила вокруг, это было все же очень замечательно. Даже мы с Саней к празднику организовали собственное «светошоу» в витринах нашего магазина. Ну праздник же.

У банка машин хватало, пару я даже узнал, а одной заинтересовался — черным «Сободем» со светящейся, явно колдовской, надписью во весь борт — «Парти-фургон!». Стоял он чуть

поодаль, у подъезда какого-то офиса с вывеской «Лимузин-сервис». А что, у нас тут экономический рост, несмотря ни на что, наблюдается, вот и появился спрос. На сегодня у них, я думаю, тоже все заказано. Компаниями, которые хотят всю ночь из кабака в кабак кататься.

Пристроив «форд» рядом с серым «Ландкрузером», в котором я опознал машину Бутакова, хозяина «Водовоза», компании по доставке ключевой воды в дома, я выбрался из кабины, убедившись, что сумка с подарками с улицы не видна, и пошел в банк. Так у меня в машине защита, понятное дело, но сроботает она после того, как какой-нибудь дурак стекло высадит. А мне потом его покупай и вставляй, вместо того чтобы машиной пользоваться.

Банк занимал два первых этажа и подвал пятиэтажки и принадлежал, понятное дело, Торговому Союзу — весьма влиятельной в Форте организации, в ряды которой я вежливо отказался вступать, хоть и приглашали несколько раз. Не люблю я вообще никаких ассоциаций и прочего, в рамках которых ты должен жить по чужим правилам. Но там и не настаивали особо. Мой бизнес сколь-нибудь ключевым для Форта не является, цены ничему не диктует, а тем небольшим взносом, который я мог бы платить, можно и пренебречь.

Оружия тут на входе не изымали, вместо этого отделили операционистов от зала стеклом и защитным полем. Людей в зале хватало, но я ожидал худшего. Увидел несколько знакомых лиц, поздоровался. В очереди, в которую я встал, передо мной оказалось трое. И тут тоже никогда заранее не угадаешь, сколько с кем возиться будут. Кому-то, может быть, надо чуток наличных со счета снять, а кому-то сотню чеков депонировать. Главное — я убедился, что Бутаков передо мной не стоит, потому что у «Водовоза» чеков должно хватать. Впрочем, его вообще в зале не было, думаю, что с ним где-то персонально в кабинете работают.

А вообще по публике видно, что все уже закрылись и всем не терпится на работу забить и начинать праздновать. Половина в очереди аж приплясывает.

Повезло, ждать долго не пришлось, очередь дошла быстро, и примерно минут через двадцать я уже вышел из банка на улицу, к стоянке, с облегчением вдохнув приятно неморозный воздух. Двенадцать сегодня на градуснике, это же прямо лафа.

Так, теперь у меня две встречи. Пикап выехал из ряда и, чуть буксанув на укатанном снегу, покати́л в сторону Восточ-

ных ворот. Тут начало попадаться на удивление много пьяных, идущих компаниями. Дорога в сторону городской промзоны идет, вот и там праздничек отметили, в кругу коллег, так сказать, и уже по домам расходятся. Машин было мало, в этом направлении обычно грузовики с промки и на промку катаются, а они тоже уже работу закончили в основном. А кто-то сегодня и не начинал. Поэтому до поворота на проспект Терешковой я доехал чуть ли не в одиночестве, навстречу буквально три или четыре машины попались.

На Терешковой было чуть оживленней, но все равно — промзона слева, промзона справа, и так до самого Китая, то есть местного Чайнатауна. Первоначально район получил свое название из-за длинной, подъездов в тридцать, слегка изогнутой девятиэтажки — «китайской стены», а потом и сами китайцы подтянулись, облюбовав под жильё запущенный дом.

Откуда в Форте китайцы? Из Города. Город — бывший гарнизонный городок откуда-то из Приамурья в нормальном мире, и там из всех проваливающихся чуть ли не половина китайцы. Поначалу их тут как-то пугались, и они даже свою триаду образовали, но потом улеглось, как это обычно с ними и бывает. Держатся они кучей, в чужие дела не лезут, потом выясняется, что они в сущности совсем не агрессивны, а потом организуется Чайнатаун, куда все едут за китайской едой и всяким прочим. Как и в Форте вышло. А кстати, время от времени заезжаю в маленький ресторанчик «Снежный дракон», где или ем, или беру на вынос в маленьких картонных коробках.

В «Снежного дракона» я сейчас и завернул, с удовлетворением увидев на стоянке защитного цвета «хантер» с номерами Комендатуры. Атаманов уже на месте. Я припарковался рядом, покопался в сумке, выудил оттуда плоскую коробочку, завернутую в подарочную бумагу, и прихватил с собой.

На входе никаких охранников не было, а встретила меня немолодая улыбчивая китайка, которая здесь всегда встречает гостей. Она меня узнала, вежливо разулыбалась, приняла дубленку и шапку с перчатками, повесив это в маленьком гардеробе. А я прошел в небольшой зал, заставленный резными столами, отделенными друг от друга расписными бумажными ширмами.

Музыка здесь играла отнюдь не новогодняя, у китайцев свой календарь, так что что-то очень глубоко национальное звучало. Людей в зале было немного, пара столиков всего заня-

та, а у окна, читая меню, сидел Атаманов — рослый, жилистый, плечистый мужик моего возраста, в небольших очках в позолоченной оправе. Одет в новый камуфляж из тех, в какой недавно однообразно переодели всех комендачей. Служит сейчас Атаманов военным комендантом Форты, а служил когда-то вместе со мной, только я больше по штабной линии, а он по строевой. Не в Приграничье, понятное дело.

— Привет, — поздоровался я, садясь напротив. — Заказал уже что-то?

— Думаю пока. Привет и тебе. Все, в отпуск?

— Да какой у торговца отпуск? — сразу включил я режим сироты. — На сегодня закрылся, завтра отдохну, а послезавтра уже и откроюсь. Держи, с наступающим. — Я выложил перед ним на стол коробку. — Перчатки с подогревом, твой размер, из тех, что в Северореченске заказываем. Если с размером некосячил — заменим.

— Спасибо, — кивнул он. — Это тебе, — он придвинул ко мне конверт. — Здесь маршрут твоего «шевролета» по всем КПП. За Рудным его видели в последний раз, за рулем была именно Мила, а вот через погранцов она уже не проезжала.

— То есть или в Песчаном оказалась, или в Лисьих Выселках, так?

С этого перекрестка можно поехать на Северореченск, а можно на Город. Но там пограничников не миновать, а других более или менее крупных населенных пунктов в тех краях нет. Попадают хутора, но их рассматривать, как мне кажется, смысла нет.

— Скорей всего.

Вообще искать Милу я не собирался поначалу. Ну бросила и бросила, с кем не бывает. А что взяла деньги и машину — так я бы ей и сам отдал, все же давно мы вместе. Ну относительно. Но потом как-то задумался — странно это все, не в ее стиле, как мне кажется. Может быть, что-то случилось?

Если у нее что-то случилось — она обычно мне об этом говорила, так что тоже странно. Но пока я хотя бы не поговорю с ней всерьез — не успокоюсь. Будет грызть мысль о том, что, может быть, она в помощи нуждалась. Поэтому все же решил поискать. Встречу, поговорю, посмотрю в глаза — и уеду, если мы просто расстались. Но обычно такие вещи решаются или разговором, или скандалом, но вот записками — это уже редкость. Не школьники же, взрослые люди вроде как.

Подошла молодая девочка-официантка, спросила на не слишком хорошем русском, что мы будем заказывать. Я сначала думал не есть, все равно за праздничным столом сегодня налуплюсь, но потом сообразил, что до стола еще очень долго. Поэтому заказал курицу по-сычуаньски, жареные пельмени и хрустящие блинчики с зеленым луком. Порции у них маленькие, так что не наемся, но маяться с голоду до вечера не буду. Ну и по чуть-чуть мы с Атамановым сейчас точно примем, а это делать лучше с закуской.

— Мне все то же самое, — сказал он, отдавая меню.

Ну и водки попросили, местной. Китайцы ее тут настаивают на чем-то напропалую, получается неплохо. Немного попросили — оба за рулем, так, чокнуться в честь наступающего.

— Дружина что-то вроде СОБРа организует, причем довольно большого, — сказал Атаманов, когда принесли водку и девушка налила немножко в две совсем крошечные рюмки, или, скорее, даже пиалки, что ли. — С наступающим.

— Взаимно, — чокнулся я с ним. — Вообще или целятся на кого-то?

— Как тебе сказать, — усмехнулся он. — Нам команда пришла на усиление опорников возле «Черного квадрата». Даже техникой. Общая караулка, ГБР с броней. Но опорники размещаются пока так, чтобы автохозяйство охватывать.

— И мотивируют?

— Официально хотят нас поближе к «Черному квадрату» держать, на случай если там опять какие возмущения. В прошлый раз ведь, к слову, все прохлопали еще и из-за того, что никто не додумался поблизости опорный пункт разместить, только посты выставляли. А что посты? Уроды оттуда повалили и всех снесли. А где посты устояли, так их просто обошли.

Да, про тот бунт уродов, или измененных, как они себя сами называют, в Форте все наслышаны. И проблемы были именно что из-за того, что не хватило времени и подручных сил обеспечить как оцепление гетто, так и отделить его от банд с той окраины. Все превратилось в свалку, и начальство просто ждало, пока костер сам выгорит. То есть, говоря попросту, сопли жевало и на фоне соплежуйства еще и власть делить умудрялось, под шумок устроив практически переворот, как мне рассказали.

Но только причина сейчас не в этом, тут и ребенку понятно. В автохозяйстве наемники Лиги базируются.

— А с Лигой сейчас что?

— Как мышь под веником. — Атаманов откинулся на спинку стула. — Но сам понимаешь. Наемники сидят больше на базе, район почти не патрулируют, там Дружина кругом.

— То есть им скоро предъявят, что они и службу не несут? — усмехнулся я.

— Наверняка. «Черный квадрат» официально хотят передать под надзор Комендатуры.

— А у Лиги там производства мелкие...

Лига оттянула гетто в свою зону как раз в тот бунт, пообещав решить проблемы занятости уродов, чтобы те не только на пособие жили. Вроде бы что-то запустили они по своей линии.

— Раз все городские границы на Комендатуре, то и эта тоже, — пожал плечами Атаманов. — И вообще, на городском совете разговор идет о том, что вся эта ответственность по районам — пережиток прошлого. Делить давно пора по обязанностям.

— То есть дошло наконец, что порядок лучше ментам, торговлю — торговцам, магию — гимназистам...

— Может, до конца и не дошло, но доходит. Просто кто-то в этом приобретает, а кто-то теряет. Лига теряет однозначно. Как Братство потеряло.

— Братство, насколько я помню, просто уцелело за счет того, что отступило, — хмыкнул я. — И ничего, вроде бы в автолитере сейчас.

— Но былого влияния в Форте уже нет. Раньше они на полном серьезе бодались с Воеводой. Воеводу, к слову, как должность отменить хотят. Заменить главой горсовета, а при нем замы по направлениям. Только решить пока не могут, как его выбирать, потому что все хотят что-то приобрести, а вот потерять боятся.

— Если честно, — я покрутил в пальцах маленькую пиалку, — я был бы рад, если бы в Форте за главного стал торговец или технарь. Всему свое время. Нельзя держать мента во главе всего, у него рефлексy неправильные.

Ну и мне эти рефлексy здорово невыгодны. Разрешили бы приобретение огнестрела по вменяемым правилам, как в том же Северореченске, — у меня бы дела лучше пошли.

— Вот эту мысль многие и проталкивают. Все равно все идет к тому, что начнут делить портфели, а не районы. Это же бред, вроде все вполне современные люди, а жить пытаются феодами. Маразм. — Атаманов вздохнул, явно пытаясь задавить всплеск эмоций. — И главное, что все это прекрасно понима-

ют, но... у каждого ведь тут интерес, там бизнес, тут бы лично контролировать хорошо — и в результате шаг вперед и два назад.

Ну, тут он мне ничего нового не сказал, проблема на поверхности лежит. Форт организовался как компромисс между группировками. Пока разговор шел о банальном выживании, группировки поделили его на территории для кормления самих себя. Вот район от нашего здания и до самой городской стены на запад был под Лигой, например. Лига там навела свои правила, следила за порядком, собирала налог в свою пользу.

Дальше эта схема начала работать хуже. Люди не хотели жить на чьих-то территориях и перебирались к другим. Начались чисто гангстерские конфликты о границах. Были вооруженные стычки и даже почти полноценная война между Дружиной с Гимназией и Братством. Потом самые умные сообразили, что так каши не сваришь, племенная система не может обеспечить выживания вроде бы даже развитого общества. Самым умным оказался Торговый Союз. Деньги любят тишину, так что они первыми начали делать уступки другим группировкам, совершенно добровольно, взамен выторговывая преференции. И в результате даже их «боевая организация» под названием «Цех» превратилась из банды во вполне приличную охрану, даже с хорошей репутацией.

Затем шаг назад сделало Братство, пусть и вынужденно. Они просто съехали в Туманный, оставив в Форте свое представительство и некоторые объекты вроде Колхозного рынка, которыми легально владели как собственники. Ну и договоры на охрану остались. Былой конфликт как-то быстро угас, у Братства остались голоса в совете, а в городе стало еще спокойней.

Еще раньше, причем совершенно добровольно, проявив здоровую инициативу, так сказать, сделала шаг назад Гимназия. Гимназистам не надо было ничего никому доказывать, а вот использовать своих людей в роли «пацанов на раёне» было даже унижительно. Новая их власть, появившаяся как раз после восстания в гетто, даже начала трансформировать свое сообщество колдунов в некое «министерство магических дел», уступая территории в пользу функций, преференций и голосов.

На фоне всего этого вроде бы не совсем пропорционально начала развиваться Дружина, и это даже стало внушать беспокойство, но тут вмешалось что-то еще. Дружина получила, кажется в компании с Гимназией, толком это так никому и не из-

вестно, доступ к каналу в нормальный мир. Не такому каналу, через который я провалился сюда и через который Платон таскает наш товар, а какому-то серьезному, на промышленной прямо основе. Но у тех, кто забрасывает «гуманитарную помощь» с той стороны, тоже появился свой взгляд на то, как тут должно быть все устроено.

Конфликта там не было, я думаю, там опять же люди взрослые и не совсем тупые, но Дружину все же подвинули в сторону чуть более пропорционального присутствия в городских делах. Как? Достаточно просто, и притом необходимо.

Ее подразделения, такие как погранохрана, Комендатура и Патруль, получили другой статус. Если раньше был Воевода, под ним Дружина, а в ней на правах отделов перечисленные, то теперь структура сменилась. Во главе оставался все тот же Воевода, но и менты, и военные, и все прочие подчинялись ему теперь напрямую, как отдельные ветви этой самой структуры. Вроде разница и небольшая, но это только на первый взгляд, потому что раньше ментовское начальство умело и старательно перекрывало кислород всем потенциальным конкурентам, а вот Воевода, как главнокомандующий, этим не баловался. Ему ведь по большому-то счету все равно, ему лишь бы работало. Более того, ему самому подобная сбалансированная система была выгодней: подсидеть сложней.

То есть и Дружина на самом деле сделала свой шаг назад... в одном месте, а в другом — вперед. А именно — она начала переводить на ментов охрану порядка во всем Форте, чем резко ужала кормовую базу тех, кто в новый порядок вживаться не хотел.

Среди таких нехотящих крупных игроков, кроме Лиги, не оставалось уже, и ей сопротивляться объединенным силам всех остальных группировок становилось все трудней и трудней. Сделай ведьмы шаг назад — и они превратятся в городской минздрав и собес одновременно. Будь они умными и практичными — и согласились бы, это ведь не так плохо. Спокойная жизнь, гарантированная прибыль, бюджетный поток, а врачевать они и вправду умели лучше других, тут две трети лекарств и три четверти методик от них идет, но косность мышления включалась. В результате Лига пошла на конфликт, не осознав того, что ее к этому подталкивают, но затем неожиданно решила поднять ставки до запредельных, переведя в свое ручное управление всю энергетическую защиту Форта, — и

проиграла. Пусть это пока официально не подтверждено, но исход конфликта уже ясен.

Тут я бы раскланяться должен, но только о моем участии в этом всем и Атаманов не знает, так что раскланяться не буду. В общем, мы нашей теплой компанией неожиданно для самих себя и всех остальных зловещие планы сорвали, оказавшись не в том месте и не в то время. И им сейчас, я думаю, не до активности. Но черт этих ведьм знает, что им там в голову придет. Пока они успешно доказывали, что логикой пользуются не всегда.

Тут принесли еду, и мы вновь разлили настойку из маленького фарфорового графинчика в пиалки. Чокнулись, выпили.

— С боевой подготовкой что там у вас? — спросил Атаманов.

— Провел первое занятие, народ в Резерве больше толковый. Система ручного подбора сработала. Патрульное начальство относится с полной серьезностью. Им плохо, поди, на свои задачи того же Диего и Айболита заполучить?

— С февраля вас начнут понемногу привлекать в помощь Патрулю за стенами, так что готовьтесь.

— Я в курсе, Лихачев уже довел. Праздновать где собираешься?

— Дома. Гости будут, товарищи придут.

— А то мог вас с Наташей пригласить к нам присоединиться.

— У Хмеля же будете?

— Ну а где мы еще можем быть?

— Нет, мы уж по-тихому отметим. — Атаманов засмеялся и схватил с тарелки один блинчик. Завернул в лист салата, макнул в прозрачный оранжевый соус, с удовольствием откусил.

— Да и мы вроде буянить не собирались.

Буянить не собирались, но по всему чую, что наберемся всерьез. Как-то не отошли еще после тех приключений, душа праздника ищет. Так что Атаманов прав, да и я знал, что не придет. Жена у него женщина спокойная и семейная, а у нас там какое-то собрание авантюристов.

Посидели, доели, распрощались. Потом еще и ехали рядом до самого Южного бульвара, потому что Атаманов жил теперь там. Он свернул во двор, а я чуть дальше прокатился, до ресторана «Сен-Тропез», возле которого и свернул в Техас, в офис «Следопыта», к Диего. Ну и Тане, его секретарше, в благодарность за вечную заботу у меня новогодний подарок имеется,

тоже вручить надо. Есть виски и для самого Диего, а у него мне забрать надо сюрприз для компании — четыре бутылки довольно неплохого французского шампанского. Новый год все же.

Визит получился довольно скромным — у Диего какое-то мелкое ЧП случилось, он срочно уехал, шампанское мне отдала Таня, попутно обрадовавшись подарку, а ее уже поджидал с машиной Леша Длинный — главный боец и телохранитель Диего, который должен был ее домой отвезти. То есть только меня и ждали. Для Длинного у меня, к слову, тоже подарочек был — кобура, так что всем сестрам по серьгам досталось.

Из «Следопыта» поехал в «Гостевую избу» — ресторан в начале Южного, где у меня еще одна недолгая встреча намечалась. Южный был сейчас буквально забит гуляющей публикой, а машин у тротуаров было столько припарковано, сколько я здесь еще и не видел никогда. Над всеми заведениями сверкали, вертелись и переливались всеми цветами иллюзорные елки, фейерверки, елочные шары, кометы, гирлянды и все прочее, что могла родить чародейская фантазия, а на небольшой площади перед «Сен-Тропезом» появилась очередная елка, пусть и не такая большая, как на Павших, зато эта даже вроде бы пританцовывала в такт музыке.

Когда я припарковался у «Гостевой избы», мимо меня, болтая и смеясь, прошла стайка девушек, совсем молодых, и от них исходила такая непривычная для Форта буквально аура радости и веселья, что я просто с удивлением вслед посмотрел. Может, и правда жизнь налаживается?

На входе в «Гостевую избу» охранники были, двое, но на глаза они не лезли и крутости своей не демонстрировали. Охранял место Цех, а они уже определенные стандарты поведения выработали. Не зря же на Торговый Союз работают, понимают, что чем наглей охрана, тем меньше прибыли у места.

Роман, или Роман Романович, как его однажды мне представили, сидел в баре за стойкой и пил что-то похожее на лимонад, или, скорей, на лимонную фанту. Я присел рядом, на соседний табурет, поздоровался.

— Поесть не хотите? — спросил Роман.

— Уже. И еще предстоит. Так что только если... это что у вас?

— Водка со снежной ягодой, коктейль вроде как, — усмехнулся он. — Из любопытства взял.

— И как?

— Да вроде съедобно... или питейно, как правильно?

— Правильно — внутрь. А я, пожалуй, коньячку здесь попрошу.

Хороший коньяк тут бешеных денег стоит, но раз Роман платит...

Роман был невысок, худощав, с приятным лицом и впечатления охранника не производил. Да и в общении был приятен. Нормальный мужик, можно дело иметь.

Я положил перед ним на столик тяжело брякнувший пакет.

— С наступающим.

— Это что? — спросил он, начав разворачивать бумагу.

— Противоамулетные, персонально для вас снарядил. Пусть не пригодятся.

Это не совсем те противоамулетные с железным корнем, которые я делаю для нас самих, но все равно полезная вещь. Это «обманки», они заставляют амулет верить в то, что они в два раза тяжелей, чем на самом деле. С железным корнем я решил вообще не продавать: слишком уж эффективная штука.

— Спасибо. Я заказ составил, все здесь, — он вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул его мне. — С моими людьми как поработали?

Я за отдельную плату взялся протестировать стрелковые навыки телохранителей из Цеха, но результатов Роман пока не знал.

— Значит, так. — Я принял от бармена, молодого парня в белой сорочке и красном жилете, бокал с коньяком, кивнув благодарно. — Ваши специфические рефлексы, которые хороши для рукопашки, стрельбе идут во вред. Я поочередно стрелял в стоящие рядом мишени с вашими людьми — и никто из них по скорости поражения цели даже близко ко мне не подобрался.

— Почему так? — непохоже, что он слишком уж удивился.

— Когда ваши ребята в режиме «акселерации» действуют — движения у них слишком резкие, под рукопашку. А в стрельбе скорость — синоним слова «плавность». Двигаешься резко — и вскинутый револьвер проскакивает за линию стрельбы, надо возвращать его обратно. Потеря времени.

— А без «акселерации»?

— А без «акселерации» их и не учил никто, все еще хуже.

Я, к слову, заметил, что в Форте больших стрелков особо-то и не было. Были меткие, но не быстрые, например. Или просто не знающие основ. Вояки для вояк неплохо стреляли, но у них стрелковая своеобразная, тем же телохранителям Романа она

никак не подходит. Да и откуда всему этому здесь было брать-ся? Кто провалился, тот и учил.

— Учить сами не хотели бы?

— Это как заплатите, — ответил я совершенно честно. — И сколько часов в неделю потребуется.

— С часами сами определитесь, как вам удобно. Я вообще ожидал такого отзыва, если честно.

А я — нет. Цех известен тем, что это не просто охранная контора, это целая система перераспределения сил между участниками сети. В нужный момент любой из них может продемонстрировать почти нечеловеческие рефлексy, и в драку с цеховиком я бы никому не советовал вступать. Но вот оказалось, что стрельбе это вредит. Это я еще вежливо о способностях «лички» отозвался. Этих надо не просто учить, а еще и переучивать, что намного трудней. Может, пусть и дальше просто амулетами и холодняком балуются?

Но этого вслух не сказал — платить ведь хотят. И купить много чего, это практически половина груза целой ходки «за ленточку». Очень неплохо.

Коньяк тут все же так себе, надо сказать. Не глянул даже на бутылку, когда наливали, вот и гадаю. Нет, в «Гостевой избе» лучше русскую кухню трескать и хреновухой запивать. Это бар у них вроде как так, особняком, стиль не выдерживает. Да и не пью я водку, пусть и хреновуху, без закуски и в баре.

В общем, посидели с Романом недолго, допили, что было, да и распрощались, договорившись связаться аж после Рождества. Он вроде как в отпуск решил уйти. Это хорошо, что до Рождества, а не сразу до старого Нового года.

На выходе меня ждало нечто вроде сюрприза — столкнулся с Темой Жилиным. Тот был один, без всяких телохранителей, что для него редкость, но думаю, что отдельный стол им брать он полюбился, поэтому оставил снаружи.

Увидев меня, Тема среагировал как-то неадекватно — испугался, что ли? В трусах он никогда не числился, да и конфликт наш вроде как контрразведка Дружины утрясала, так что решиться он должен был окончательно, причины испуга я не понял. Нет, он не закричал, не побежал и не начал руками закрываться, он просто слегка дернулся, увидев меня, а потом в глазах у него испуг заметил, но как-то многовато эмоций даже для неожиданной встречи. Не в темном ведь переулке встретились, кто глупости делать начнет? А тут он словно на бешеную собаку неожиданно для себя налетел.

Через мгновение он вновь обрел уверенность в себе, даже кивнул мне холодно и прошествовал в зал. А я посмотрел ему вслед, хмыкнул удивленно, забрал свою дубленку с прочим — да и пошел на улицу.

Хмель

31 декабря, канун Нового года

Левой-правой! Левой-правой! Левой-правой!

Соленый пот заливал глаза, дыхание сбилось, руки налились свинцом, но перчатки продолжали выбивать пыль из старой боксерской груши, подвешенной к потолку в свободном углу подвала.

Левой-правой! Левой-правой...

— Резче! Левой активной! Резче! Не открывайся! Вкладывайся всем корпусом! Резче!

Подпиравший грушу двухметровый верзила всерьез вошел в роль тренера и не закрывал рта ни на минуту, да только другого и ожидать было нельзя: у Ивана юношеское увлечение боксом и последующее использование полученных навыков в повседневной жизни было написано на лице. Впрочем, я к его советам не прислушивался и лупил спортивный снаряд как придется.

Я люблю спорт и активный образ жизни, но это скорее фитнес и поддержание себя в форме, нежели что-то большее.

— Ну, дядя Слава!.. — разочарованно протянул мой помощник по бару и пивоварне. — Ну кто так бьет? Ну что вы меня позорите? У вас хулиганы на улице семок попросят, вы их так же толкать станете?

Я отступил от груши и принялся стягивать перчатки. Майка полностью промокла от пота, спортивные штаны если от нее и отставали, то не намного.

— Понимаешь, Ваня, — сказал я, с шумом прочистив легкие, — не собираюсь я никого бить. Ну сам посуди, можешь представить, чтобы я кого-нибудь вдруг ударил... пустой рукой?

И я поднял кисти, демонстрируя давным-давно переломанные и выбитые костяшки.

— Это больно и чревато ненужными травмами. В свое время я это проходил и своих ошибок повторять не собираюсь.

— Ну и на фигу тогда мы грушу повесили? — добродушно усмехнулся Иван, небрежно ткнул спортивный снаряд кулаком, и тот прогнулся на жалобно лязгнувшей цепи.

— Спорт — наш друг, — ответил я банальностью и при этом нисколько не покривил душой. — Сидячий образ жизни до добра не доведет, знаешь ли.

— Может, сами кеги таскать будете? — немедленно предложил помощник.

— Разовые пиковые нагрузки не дадут желаемого эффекта.

— Ни фига себе разовые!

— Ну ты меня понял.

— Значит, кеги на мне? — вздохнул Иван.

Я стянул мокрую майку и спросил:

— Баня теплая еще?

— Теплая.

— Тогда сполоснусь, а ты бар открывай.

— Заметано.

Иван напоследок наподдал груше основанием открытой ладони и поднялся из подвала. Я пошарил по карманам брошенных на стул карго-штанов, выудил спичечный коробок, разложил на столе перед собой разноцветные пилюли.

Семь штук, по всем цветам радуги. Хоть недавние приключения на пользу моему здоровью и не пошли, но не пришлось хотя бы увеличивать суточную дозу алхимической дряни. Чтобы удержать в равновесии внутреннюю энергетику, вполне доставало обычной дозировки.

Я подгрел старенькую «Омегу» на металлическом браслете, развернул к себе циферблатом и начал одну за другой глотать разноцветные горошины, запивая их водой.

Не дело, конечно, сразу после тренировки воду хлебать, но семь глотков проблемой точно не станут. А сухую пилюлю принимать просто невозможно, ибо гадость жуткая. Весь день потом изжогой промучаюсь.

Под конец накатило головокружение, меня замутило, и я опустился на стул, дожидаясь, пока стихнут неприятные ощущения. Вскоре голова очистилась, осталась лишь легкая тошнота.

Вот поэтому и не пью таблеток до утренней тренировки. Все же без последствий вылазка за городские стены не осталась, чуток до сих пор ломало.

Впрочем, еще легко отделался. Саня-чародей куда дольше отлеживался, а уж как его в Лазурное Солнце ломало — просто караул. Я, впрочем, Черный Полдень тоже плохо перенес. Правда, насколько именно плохо — не помню. Пока самогоном не накидался, на стены лез, ни таблетки, ни алхимический

абсорбент не помогали, а как накидался — уже ничего не помню. Совсем. То еще лекарство.

Меня вновь замутило, и я поспешно прогнал неприятные мысли. С кряхтением поднялся со стула, собрал одежду. Затем окинул взглядом оборудование, но то оказалось в идеальном порядке. Оно и понятно: уже вторую неделю пива не варим.

И сегодня тоже варить не будем. Тридцать первое декабря, как-никак канун Нового года. Время елок, мандаринов и предпраздничной суеты. И если елки и мандарины остались в нормальном мире, то суеты у нас хоть отбавляй.

Надолго в бане я задерживаться не стал, только смыл пот и переоделся в чистое, но, когда прошел в украшенный еловыми ветками бар, на кухне уже горел свет, а за одним из столов расположился ранний посетитель. И если появление тети Маши нисколько не удивило — стряпуха собиралась приготовить закуски к новогоднему столу, чтобы освободиться пораньше, — то господин Смирнов сейчас совершенно точно должен был нести службу в городском Арсенале, а не халкать пиво по барам.

Я обернулся к стоявшему за прилавком Ване, тот только вздохнул.

— Уже второй пьет, — сообщил он, не повышая голоса.

Вот оно как! К самому открытию, значит, приехал. Или даже дожидался на улице, пока бар отопрут, так приспичило.

Несколькими качками помпы я на треть наполнил бокал светлым элем и присоединился к лысоватому мужичку неопределенного возраста.

— Что, Петрович, трубы горят? — спросил, усаживаясь напротив.

— Ох, горят, — признал Смирнов и приложил бокал ко лбу. Потом взглянул на меня. — Слава, вот скажи, у тебя в подвале нормальные кружки, почему здесь бокалы? Кружка голову куда солидней холодит.

Я усмехнулся.

— А еще кружкой голову сподручней проламывать.

Пусть драки у меня случались нечасто, но расслабляться не стоило. Питейное заведение — такое место, где в зазор между косым взглядом и поножовщиной разве что пара слов уместится.

Петрович вздохнул, соглашаясь с моим доводом, и вновь отпил пива.

— Корпоратив затянулся? — предположил я.

— В карты полночи резались, — покачал головой Смирнов, слышший записным картежником и большим любителем преферанса.

— В «Серебряной подкове» набрались, что ли? — удивился я. — Без штанов не остались?

— Нет, после казино в «Цаплю» перебазировались.

— Понятно.

Смирнов осушил бокал и махнул рукой Грачеву:

— Вань, повтори!

— Погоди! — попросил я. — Петрович, а тебе не хватит? На службу ведь еще, поди?

— Не, — усмехнулся Смирнов и расслабленно развалился на сиденье. — У меня выходной. Имею право.

Но мне так не казалось.

— Вот смотри, — вздохнул я. — Ты сюда на своей тарихтелке приехал? И отсюда на ней уехать хочешь, так? Тебя не развезет на старые дрожжи?

— Не развезет.

— Допустим, — покладисто кивнул я. — А жена? У всех праздник, Новый год, а ты такой нарядный домой вернешься.

— Просплюсь.

— Может, просто стоит притормозить?

— Слава, ты владелец бара! Ты не должен за трезвость агитировать! — возмутился Петрович и потер ладонями осунувшееся лицо. — У вас товар, у нас купец! Не надо все усложнять!

— Я о будущем думаю. Вот прибьет тебя жена сковородкой — и оставит меня без постоянного клиента. И что тогда? Сплошные убытки!

— Кого прибьет? — гордо расправил плечи Смирнов. — Меня? Слава, да я в разведке служил! Маскировке обучен! Она и не заметит ничего!

— Петрович, ты в геологоразведке служил, — поправил я собеседника, припомнив байки о его трудовой биографии. — От жены маскироваться легко, когда она за пять тысяч километров, а здесь отхватишь.

— Не нальешь?

— Вань! — окликнул я помощника. — Еще один бокал, и все.

— И пятьдесят грамм на посошок, — пробурчал Смирнов.

— Может, сразу ерша налить? — усмехнулся я, подошел к Грачеву и предупредил: — Никакого самогона, понял?

Иван кивнул и продолжил размеренными движениями накачивать в бокал пиво.

С кухни потянуло запахом стряпни, я решил принести что-нибудь для Смирнова, но тут зазвонил стоявший на стойке телефонный аппарат.

— Хмелев слушает, — произнес я, поднимая трубку.

— Слава! Ты-то мне и нужен! — раздался из динамика голос Владимира Ханина.

Я обреченно поморщился. Помимо руководства отделом службы собственной безопасности Дружины, майор Ханин курировал деятельность клуба «Западный полюс», и поводом для звонка в преддверии новогодних праздников могла стать лишь нехватка пива. Так уж традиционно сложилось, что в дни между Черным Полднем и старым Новым годом в Форте выпивалось столько алкоголя, сколько не выпивалось за все летние месяцы, вместе взятые. И ладно бы снимали стресс простые работяги, так нет — на каникулы уходило большинство служащих, что временами напрягало просто неимоверно.

А еще меня напрягало, когда кто-то пытался выбить дополнительную партию пива, хотя все поставки на этот период расписывались едва ли не за месяц вперед, а то и за два. Лишнего пива у меня просто не было.

— Слушаю вас, Владимир Михайлович, — сказал я, усаживаясь на табурет. — Случилось что?

— Ну почему сразу случилось? — удивился Ханин. — С Новым годом звоню поздравить.

«Да ладно», — едва не вырвалось у меня; вместо этого я со всей возможной серьезностью ответил:

— Очень приятно.

— И еще просьба у меня будет...

Я беззвучно выдохнул проклятие, вслух произнес:

— Не вопрос. Помогу чем смогу.

И не особо даже покривил при этом душой. Отказывать Ханину было не с руки. Круговая порука, чтоб ее. Ты — мне, я — тебе; рука руку моет, и все такое прочее.

— Нужен ящик пива, — ожидаемо сказал дружинник.

— Ну, Владимир Михайлович! — укоризненно протянул я. — Ну не первый же раз...

— Понимаешь, Слава, — проникновенно произнес Ханин, — это не для бара. Костя Арабов... ты ведь знаешь Костю? Он Новый год у себя праздновать собирается, а кто-то из гос-

тей в самый последний момент предупредил, что пьет пиво. Выручай.

Я только вздохнул. Я знал Костю. В этом не было ничего необычного, ведь Костю знали все. Бессменный чемпион последних лет Форта по боксу в последнее время отошел от спорта, но на его известности это нисколько не сказалось.

Продажа ящика пива такому человеку могла стать неплохим рекламным шагом, если бы не одно немаловажное обстоятельство: господин Арабов числился завсегдагаем не «Западного полюса», а вовсе даже «Ширли-Муры». И что мне Денис Селин на это скажет?

— Слава! — слышалось в трубке. — Ты на линии?

— Сейчас посмотрю, что можно сделать, и перезвоню, — пообещал я и утопил рычажки телефонного аппарата, не слушая возражений собеседника. Отпустил их, покрутил диск, набирая номер «Ширли-Муры», и попросил позвать к телефону управляющего.

— Это Хмелев, — представился, предупреждая расспросы администратора.

Денис Селин взял трубку через пару минут.

— Что у вас там с Арабовым? — с ходу огорошил я его неожиданным вопросом.

— Вот блин! — простонал Денис. — Он сейчас у тебя?

— Нет, но меня настоятельно просят снабдить его пивом.

— Он нас всех задрал уже! Новогоднее меню пришлось из-за него перекраивать!

— А мне-то что делать, скажи? — спросил я.

— Много просят? — уточнил Селин.

— Ящик.

— Сможешь выделить?

— А мне оно надо?

— Едят ли кошки мошек? — философски протянул Денис. Потом усмехнулся. — Дай, если не жалко. Мы в претензии не будем. Он кому угодно душу вынет, если что в голову втемяшится.

— Вот ты порадовал, — пробурчал я, кинул трубку и отправился в холодную комнату, где хранилось бутылочное пиво. С печальным вздохом оглядел свои изрядно поредевшие за последнее время запасы, потом вернулся за стойку, позвонил в «Западный полюс» и озвучил цену вопроса.

Бесплатно поить я никого не собирался. Не благотворительная организация.

Владимир Ханин молча выслушал мои условия, прикрыл ладонью динамик, явно советуясь с кем-то, и спросил:

— Подвезти сможешь?

— На площадь подвезу. Либо встречайте, либо у охраны оставлю.

— Не надо оставлять, кто-нибудь встретит. Во сколько?

Я взглянул на часы и сообщил:

— В час.

— Отлично.

Зазвучавших в трубке коротких гудков я слушать не стал, бросил трубку на рычажки и убрал под стойку отобранное на продажу пиво.

— Нарасхват? — усмехнулся Иван.

— Как тебе варка первого числа? — пошутил я в ответ.

— Второго — запросто. На первое у меня планы. И выходной, так?

Я понимающе улыбнулся.

— Гимназистки?

— Они.

— Ладно, тогда второго.

Первого числа я и сам вряд ли встану раньше полудня. Какая еще варка?

Взглянув на цедившего пиво Смирнова, я напомнил помощнику ему больше не наливать и отправился наводить порядок в подвале. Бар излишней вместительностью похвастаться не мог, все пять столов и даже места у стойки были зарезервированы на новогоднюю ночь постоянными клиентами, поэтому моим собственным гостям придется выпивать внизу. Там неплохо и даже уютно, но перед банкетом надо хоть немного прибраться.

В подвале провозился до двенадцати. Вроде дел всего ничего, но одно убрать, другое переставить, стол складной разложить, стулья на всю компанию принести. Мороки много, даже запарился немного. Привлекать Ивана не стал: кому-то надо и за баром приглядывать; у тети Маши сегодня на кухне дел не проворот.

Когда поднялся, все столы оказались заняты, но не вечерними гостями — до восьми вечера вход у нас свободный. Хоть новогодняя толчея уже поперек горла встала, да только деньги лишними не бывают. Вот завтра — выходной; пусть дома похмеляются. Мы на послепраздничное похмелье тоже право имеем.

— Слава, ты меня отпускаешь? — спросила тетя Маша, когда я проходил мимо кухни.

— Да, конечно. Идите. С наступающим!

— Сами справитесь? — с сомнением посмотрела на меня стряпуха.

— А я сейчас Ирину привезу, она поможет.

Ирина ко мне жить так и не переехала, да я особо на этом и не настаивал. Взрослым людям вообще тяжело сходить к другу с другом, а уж когда о создании полноценной семьи даже речи не идет, так и вовсе. Проще друг к другу в гости ходить и время от времени с ночевкой оставаться.

— Иван! — окликнул я занятого в зале помощника. — В подвале прибрался, часа на три отъеду по делам.

— Хорошо, — отозвался тот.

Тогда я поднялся к себе, отцепил с пояса кобуру с револьвером и переложил оружие в обычную кожаную сумочку. Сумочка была ни в какой мере не тактическая, а самая обычная, и заподозрить наличие в ней оружия мог лишь натуральный параноик или же человек в высшей степени предусмотрительный и осторожный. И те и другие среди бандитов встречались нечасто, поэтому я спокойно носил револьвер в сумочке с переброшенным через плечо ремнем. Сорвать — не сорвут, достать проще простого.

«Таурис» был заряжен патронами с картечью, запасной боекомплект сорок пятого калибра дожидался своего часа в накладном кармашке. А больше и не надо. Больше — это уже натуральная война получается.

Надев куртку, я по привычке охлопал себя по карманам. Бумажник с удостоверением, выкидной нож, ключи от машины и отводящий пули амулет — все оказалось на месте.

Но одним лишь револьвером я ограничиваться не стал и, перед тем как выйти во двор, вытащил из-под стойки бара жезл «свинцовых ос». Как-то мне карабины ближе, не иначе секция пулевой стрельбы о себе знать дает.

— Все, я ушел! — крикнул помощнику, покидая особняк через черный ход.

На улице оказалось тепло. Нет, действительно тепло — никакой иронии. Градусов десять ниже нуля, наверное. По нашим меркам — оттепель. Обычное дело после Лазурного Солнца. Скоро опять похолодает.

Кинув «Шершень» на пассажирское сиденье, я выгнал из сарая «буханку» неприметной серой расцветки и открыл ворота. Точнее — приоткрыл.

Приоткрыл, осторожно выглянул на улицу и лишь после этого до упора раздвинул створки в разные стороны. Пусть порядка в Форте в последние годы и прибавилось, но беспредельщиков хватало до сих пор. Никогда не знаешь, на кого нарваться угораздит. Да и праздники — в пьяную голову что только не взбредет. Лучше побережься. Опять же и тянется за нами с Клондайком одна история, могут припомнить.

Нет, даже не так. Если вычислят, то припомнят и покритикуют непременно. Разговоры разговаривать никто не станет, грохнут — и все дела. А не хотелось бы.

Объехав дом, я притормозил перед дорогой, пропуская такой же, как у меня, УАЗ, только с синей полосой и соколом на боку. И почти сразу из-за угла показались двое дружинников, один с коротким помповым дробовиком, другой с АКМ.

Но это не по мою душу, просто улицы патрулируют. Не знаю точно, что затевается, но разлитое в воздухе напряжение ощущается буквально физически. Никогда раньше Дружина столь демонстративно в западную часть Форта не навевывалась. А теперь пусть по границе района, но проходятся с завидной регулярностью. Особенно после недавних бандитских разборок.

Пропустив дружинников, я взглянул на часы и вывернул руль, выезжая на проезжую часть. Просьба Ханина завезти пиво выбила из графика, но слишком сильно притапливать педаль газа не стал: из-за каникул и теплой погоды на улицах заметно прибавилось людей, и перебежали дорогу пешеходы в самых неожиданных местах. А давить пешеходов, пусть даже и пьяных, с какой стороны ни посмотри, — нехорошо. К тому же дороги по случаю праздников толком не чищены, а ночью снег шел, и забуксовать в таких условиях проще простого.

Нет, тише едешь — дальше будешь. Все верно говорят.

Форт перед Новым годом слегка привели в порядок, большинство вывесок и рекламных щитов на стенах домов подсвечивались чародейскими светильниками, и, если особо не приглядываться, можно было даже решить, будто неким чудом перенесся на улицу нормального города.

Бред, конечно.

Ирина со мной до сих пор так и не разговаривала. На прямые вопросы еще что-то отвечала, да и то — слова лишнего не вытянешь. А так молчит, будто партизан на допросе. Обиделась. За здоровье мое беспокоится. Можно подумать, от ее молчания оно улучшится.

— Мне на площадь Павших заскочить надо, — предупредил я Ирину, убирая «Шершень» с пассажирского места за свое сиденье.

— Заезжай, — спокойно ответила та, передала мне сумку с вещами и больше не сказала ничего.

Я приставать с разговорами не стал и тронулся с места. Выехал на Красный проспект, с него свернул на площадь Павших и остановился неподалеку от памятника, у которого взмывала к небу иллюзорная елка. Гимназисты расстарались.

Днем мираж выглядел не слишком эффектно, но с наступлением сумерек обретал глубину и объем. Ночью его сияние можно было увидеть даже из самых отдаленных районов. Смотрелось это зрелище слегка аляповато на фоне заснеженных улиц и серых домов, но «нужна же людям хоть какая-то отдушина!» — так, наверное, подумали в городском совете.

Мне елка не нравилась. И голову при одном только взгляде на нее ломить начинало, и как в анекдоте о фальшивых елочных игрушках — ну вот нет радости, и все тут. Совсем нет. Даже не помню, когда последний раз новогоднее настроение накатывало.

Долго задерживаться на площади не пришлось. Кутавшийся в легкое пальто бармен «Западного полюса» уже дожидался нас у будки охраны с эмблемой в виде увитой колючей проволокой шестерни. Озябший парень подбежал к машине едва ли не вприпрыжку, я выбрался из кабины, отпер заднюю дверцу и указал ему на фанерный ящик с двумя десятками пол-литровых бутылок.

— Забирай!

Бармен передал мне оговоренные четыре червонца и подхватил коробку.

— Постой! — встрепенулся я. — Тару когда вернете?

— С кегами привезут, — пообещал парень и потащил пиво к спуску в Кишку.

Я вернулся за руль, взглянул на часы и понял, что завезти Ирину в бар уже не успеваю.

— Слушай, давай еще в «Ширли-Муры» заедем? Тут по дороге.

— Да заезжай куда надо! — ответила девушка, не скрывая недовольства.

Впрочем, если бы мы поехали напрямиком в бар, от этого ничего ровным счетом не изменилось бы. Просто настроение такое демонстративно поганое.

К «Ширли-Муры» я подъехал с черного хода. Развернулся, сдал задом к дебаркадеру и заглушил двигатель.

— Пойдешь со мной? — спросил Ирину.

— Нет, — отказалась та, но уже не из вредности — этот клуб она и в самом деле не жаловала.

Я вновь завел двигатель, оставил работать его на холостом ходу и приоткрыл дверцу. Аккуратно, дабы не зацепить боковое зеркало красного «ки-блэйзера», выбрался наружу и поднялся по очищенному от снега бетонному пандусу на дебаркадер.

Звонить не пришлось — знакомый охранник распахнул дверь и спросил:

— Заказ забирать?

— Ага, — кивнул я и достал список. — Начальство можно не звать.

— Одну минуту, — попросил крепыш и скрылся в коридоре. Его напарник с обрезом двустволки на коленях остался сидеть в своем закутке.

Владельцы заведения изо всех сил старались выглядеть респектабельными предпринимателями, но время от времени, как вот с этим ружьем, сбивались на бандитский шик. Это в среде латиноамериканских гангстеров в моде золоченые пистолеты и «калашниковы» с инкрустацией, у нас все куда брутальней. Обрез курковой двустволки — вот наш выбор. Но вооружать им охранника — все же явный перебор.

Вскоре крепыш вернулся, вслед за ним появилась пара подсобных рабочих. Я открыл входную дверь и отступил в сторону, позволяя им вынести на улицу ящики, обтянутые вакуумной пленкой. Немудреные заклипания сохраняли заказанные мною блюда свежими, при подаче на стол их даже не требовалось дополнительно подогревать. Срок действия нанесенных на полиэтиленовую пленку алхимическим маркером рун был недолог, но до полуночи они протянут, а больше и не надо.

Грузчики начали спускаться по пандусу, я прямо с дебаркадера спрыгнул в снег, подбежал к машине и распахнул заднюю дверцу. Убрал к стенке валявшуюся там штыковую армейскую лопатку и стал принимать ящики и составлять их в кузов. Когда грузчики отправились за следующей партией, я развернул список, отметил уже принесенные позиции и захлопнул дверцу, не желая выстужать машину больше необходимого.

Вновь распахнулась дверь черного хода, но вместо рабочих

на улицу вышел управляющий заведением — Денис Селин собственной персоной.

— Привет, Слава! — поздоровался он, зябко поежился и застегнул распахнутый до того пиджак.

— Привет, Денис! — отозвался я и протянул руку снизу вверх, не став подниматься на дебаркадер.

Селин нагнулся ответить на рукопожатие и спросил:

— Дал Арабову пива?

— Ты ж не против был?

— Да я и сейчас не против, — рассмеялся Денис. — У себя отмечаешь?

— Ага, — кивнул я. — Совмещу приятное с полезным.

— Мы тоже совместим, — сообщил Селин и посторонился, пропуская грузчиков. — Нормально все?

— Нормально, — ответил я и вернулся к машине.

Селин махнул на прощанье рукой и ушел в клуб. Я загрузил в УАЗ ящики, вновь сверился со списком и забрался за руль.

Ирина при моем возвращении не произнесла ни слова. Честно говоря, гробовое молчание человека рядом всегда немного напрягает, но я стоически держался, не желая просить прощения и начинать каяться в грехах, реальных и мнимых. Рассосется само собой как-нибудь.

На выезде со двора пришлось пропустить растянувшуюся колонну грузовиков, потеряли пять минут. В итоге я не стал выгружать коробки с провизией, а лишь высадил Ирину и сразу развернул «буханку» на расчищенном от снега пятачке. Вернулся на Красный проспект, повернул направо и погнал УАЗ к Южному бульвару, а точнее — к поселку Луково, что раскинулся за ним россыпью одно- и двухэтажных частных домов.

Над крышами заколыхалось мутное облако дыма печных труб, тянувшаяся меж высоких заборов дорога превратилась в две укатанные колеи. На перекрестке я сбросил скорость до минимума, но и так при повороте «буханку» заметно повело в сторону.

Минут через пять я остановил УАЗ перед воротами, за которыми прятался добротный особняк с обширными надворными постройками. Выскочив из машины, несколько раз стукнул железным кольцом калитки, потом развернулся и взглянул на развалюху напротив. Скособоченный домишко казался нежилым, но мне было доподлинно известно, что в нем постоянно несет дежурство пара гимназистов. Вневедомственная охрана, так сказать.

Виктор Бородулин заведовал на промзоне алхимической лабораторией, был причастен к разработке разных хитрых препаратов, и потому колдуны присматривали за ним круглые сутки напролет. Вероятно, для столь назойливой опеки имелись веские основания, но лично мне при мысли о жизни под колпаком всякий раз становилось не по себе.

Я взглянул на часы, раздраженно обернулся и с силой саданул железным кольцом по доскам. Калитка немедленно распахнулась, и на улицу вышел крепкого сложения мужичок в меховой шапке, тулупе, теплых штанах и собачьих унтах. С плеча свешивался гладкоствольный карабин двенадцатого калибра «Сайга».

— Че долбишься? — пробурчал Семен Лымарь, бывший при хозяине дома чем-то средним между охранником и младшим партнером. На его скуле змеилась паутина старых шрамов, серых и плохо заживших.

— Уснули, что ли? — не менее раздраженно ответил я и постучал двумя пальцами по левому запястью. — Цигель-цигель, ай-лю-лю! У меня времени в обрез!

Лымарь внимательно оглядел пустую улицу и вернулся во двор.

— Заезжай! — разрешил он, раскрыв ворота.

Я забрался за руль и загнал «буханку» за забор. Семен тут же сдвинул створки и указал на сени:

— Забирай.

Сам принялся отпирать навесной замок на двери сарая и уточнил:

— Только колбасу берешь?

— Сардельки еще, — ответил я и прошел в сени.

Бородулина там не оказалось, только стояла заранее приготовленная для меня коробка с таблетками. Я выложил рядом сверток с разнокалиберными серебряными монетами и выглянул во двор.

— Хозяин где? — спросил Лымаря.

— Некогда ему, — сообщил Семен. — Новый год.

— Не рано отмечать начали?

— Старая бригада собралась, — пояснил Лымарь и поторопил меня: — Давай быстрее, некогда мне!

Вдвоем мы быстро погрузили провизию в «буханку», я уселся за руль и, устроив на пассажирском сиденье коробку с лекарствами, спросил:

— У вас нормально все?

— Пронесло, — успокоил меня Семен, распахивая ворота. — Больше так не делай.

— Постараюсь, — усмехнулся я и захлопнул дверцу.

Таблетки Бородулин в своей лаборатории готовил из разряда тех, что учитьваются едва ли не поштучно, и отпускать их на сторону он не имел никакого права. Дело было даже не в пилюлях, которые мне приходилось глотать каждое утро, эти таблетки лишь послужили поводом для знакомства. Помимо них Бородулин поставлял алхимические препараты, которые сохраняли часть своих чудодейственных свойств и в реальном мире. Переpravлял их через Границу Сергей Платонов, кондуктор и мой партнер. С доставкой товара сложностей никогда не возникало, куда трудней было привлечь денежных пациентов по ту сторону Границы. Сам я в детали не вникал, оставив черновую работу на откуп партнеру, знал только, что в теплых водах Карибского бассейна плавала яхта-клиника, где состоятельных клиентов исцеляли от ряда заболеваний, относимых традиционной медициной к разряду неизлечимых. Часть выручки шла на развитие бизнеса, часть возвращалась сюда в виде товаров, оружия, боеприпасов, автомобилей и даже серебра. Но это уже совсем другая история.

Выехав на Южный бульвар, я не стал поворачивать к бару и погнал УАЗ дальше, напрямиком к Колхозному рынку. Первое правило посредника — не держать горячий товар при себе дольше необходимого. Один раз я на этом едва не погорел и вновь так рисковать не собирался. Поэтому и торопился: из-за всех этих предновогодних и новогодних праздников график переходов полетел псу под хвост, и, если не всучу таблетки Платону прямо сейчас, придется хранить их у себя как минимум пару дней, пока он не просохнет. Кондуктор свое дело знал туго, но и гульнуть тоже любил. Стресс.

Парковка перед рынком оказалась забита автомобилями и санями, искать там свободное место было пустой тратой времени, поэтому я объехал вытянутое здание и загнал «буханку» на полупустую служебную парковку у административного блока. Человеку со стороны делать этого категорически не рекомендовалось, но начальник охраны рынка был моим хорошим знакомым, и несшие тут службу братья знали в лицо не только меня самого, но и УАЗ.

Распотрошив коробку с лекарствами, я убрал под сиденье упаковки разноцветных пилюль, которые пил сам, запер автомобиль и поспешил на рынок, но волновался напрасно: как и

договаривались, Платон дожидался меня за прилавком своей торговой точки посреди завешанных зимней охотничьей одеждой стеллажей и полок с теплыми ботинками.

— Привет, Серый! — поздоровался я с ним, расстегнув куртку. — Привет, Мить! — протянул руку худощавому телохранителю кондуктора. — Куда Светку дели?

— Кофе варить отправили, — сообщил Серега Платонов и шелкнул пальцем по керамической кружке. — Будешь?

Без доброй порции коньяка в кофе точно не обошлось, слишком уж специфический от него шел аромат, поэтому я только покачал головой.

— Смотрю, ты времени зря не теряешь, — усмехнулся, передавая кондуктору коробку с таблетками. — Прибери.

Сергей спрятал товар под прилавок и спросил:

— Налить?

— Я за рулем.

— И что с того? — благодушно рассмеялся Платон, огладил обрамлявшую румяные щеки русую бородку и указал на охранника. — Он вообще на работе пьет.

Дмитрий аж поперхнулся.

— Вот ничего себе предьява!

Я хлопнул кондуктора по плечу и зашагал на выход, напомнив:

— Подгребайте к восьми, и чтоб без опозданий.

От осознания, что все успел и дела на сегодня закончены, накатила расслабленность. Захотелось даже вернуться и хлебнуть кофейку, а то и чего покрепче, но я усилием воли задал неуместный порыв, решив вместо этого навестить начальника местной охраны.

К моему немалому удивлению, дежурного в приемной не оказалось, но стоило только приоткрыть следующую дверь кабинета, как причина нарушения устава караульной и гарнизонной служб объяснилась сама собой. Кабинет Климова заполнили плечистые парни в бронежилетах с короткими тесакками и дубинками на поясах. Рабочий стол был завален жезлами «свинцовых ос» и футуристического вида чарометами.

Пересменка.

Климов заметил меня и спросил:

— Есть пять минут?

— Нет, пожалуй, — покачал я головой.

— Придется найти. Подожди, сейчас освобожусь.

Я вышел в приемную, сдвинул на бок сумочку с револьвером и уселся за стол дежурного. Долго и в самом деле ждать не

пришлось; вскоре дверь распахнулась, и охранники, позвякивая железом, гурьбой повалили на выход.

Клим вышел следом, встал в дверях и поинтересовался:

— Какие новости?

— Чек будет после праздников, — сообщил я.

— Отлично! Заходи, Слав, — позвал он меня в кабинет.

Я прошел следом и уточнил:

— Что с радиодетальями?

— Дней через десять последнюю партию привезут. — Клим отпер сейф и достал оттуда увесистый пакет. — А пока семь килограмм как с куста.

— Нормально.

— Выпьешь? — спросил начальник охраны и оттянул от шеи ворот вязаного «турецкого» свитера.

— Вы сговорились, что ли? — возмутился я. — За рулем я! За рулем! Лучше сам завтра приходи. Сегодня с семьей ведь?

— С семьей, — подтвердил Клим. — Ладно, вали тогда. Пойду посты проверять. Никакой пользы с тебя, Хмель. Одни убытки.

— Чек после праздников, — напомнил я и отправился во-свосяси.

Вышел на крыльцо черного хода, натянул на голову вязаную шапочку, с привычной уже настороженностью огляделся. На улице вечерело, и сгущались сумерки, но окончательно стемнеть пока не успело. На парковке — никого.

Сбежав с крыльца, я обошел УАЗ и распахнул заднюю дверцу. Уместил полученный от Клима пакет с радиодетальями рядом с остальными коробками, выпрямился и вдруг услышал отчетливый скрип снега за спиной.

Казалось бы — ну что тут такого? Скрип и скрип. Мимо кто-то идет, делов-то.

Но сердце так и екнуло.

И я обернулся. Просто обернулся, не став доставать из сумочки револьвер. Не посчитал нужным тратить на это время. Первое, чему учат в учебке Братства, — это ценить время и не разбрасываться им попусту.

— Уважаемый, а как внутрь попасть? — вопрос застал меня на полуобороте; задал его шагавший через парковку незнакомый парень в ушанке и короткой фуфайке.

Это я отметил краем глаза, а потом парень рывком приблизился и ткнул меня ножом. Точнее, попытался — острое клин-

ка жалобно звякнуло о подставленную армейскую лопатку и соскользнуло в сторону.

Я резко крутанул предусмотрительно выдернутую из кузова лопатку, метя заточенной боковиной по шее не ожидавшего подобного поворота бандита. Но сказалось долгое отсутствие практики, замах вышел чуть шире, чем следовало, и парень успел скособочиться и принять удар на плечо. Фуфайка защитила бандита от травмы, и все же на миг он потерял равновесие — не иначе из-за того самого излишнего усилия, вложенного мной в замах.

Я немедленно отпрыгнул, разрывая дистанцию. Лопатка полетела в снег, пальцы ухватили хлястик застежки, раскрывая сумочку...

А как иначе? Кидаться врукопашную, рискуя получить ножом в живот, когда у тебя есть ствол, не слишком умно, с какой стороны ни посмотри. Пусть и уверен в успехе, но мало ли как все обернется...

Когда коротко вжикнула молния и у меня в руке возник револьвер, бандит неожиданно проворно юркнул за УАЗ, уходя с линии стрельбы. В азарте я рванул следом, и в этот миг что-то прожужжало рядом с лицом. Раз! Другой! И сразу задняя дверца «буханки» дрогнула, и в металле возникла неровная дыра пулевого отверстия.

Я пальнул в ответ наугад, в белый свет как в копеечку, и прыгнул за УАЗ, укрываясь от обстрела. Рухнул в снег, сразу перевернулся на бок и дважды выстрелил под машину по ногам первого бандита. Оба раза промахнулся — тот мчался наутек, петляя как заяц.

А потом меня словно молотком по голове приложили; хлопнуло, будто петарда взорвалась. Яркая вспышка на миг ослепила, в ушах зазвенело, перед глазами поплыли темные пятна.

Я быстро заполз за УАЗ и прижался спиной к переднему колесу в надежде на защиту не столько колесных дисков, сколько двигателя. Впрочем, могли спасти и диски — мягкие свинцовые заряды чародейских жезлов особой пробивной силой не отличались.

А обстреляли меня из жезла «свинцовых ос», в этом сомнений не было ни малейших. Вспышка — это взорвался один из чародейских кристаллов, помещенный в свинцовый шарик, когда его переполнила магическая энергия моего отводящего пули амулета. Повезло, что метательный снаряд в этот момент

проносился у ног. И вдвойне повезло, что у меня при себе вообще оказалась «Чешуя дракона». Без нее валялся бы сейчас с дырой во лбу и остывал помаленьку. Стреляли метров с двадцати, от угла административного корпуса — с такого расстояния не промахиваются.

Где-то неподалеку рыкнул автомобильный двигатель; я рискнул выглянуть из-за «буханки», но поблизости никого не оказалось. Бросаться в погоню не стал, вместо этого распахнул дверцу со стороны водительского сиденья и выложил на него револьвер. Потом развернулся к двери черного хода и приподнял руки, выставляя перед собой открытые ладони.

Правильно сделал. Прибежавшие на выстрелы братья мигом взяли меня на прицел чарометов, а от алхимического оружия «Чешуя дракона» точно не поможет. Пальнут — и уже не дыра во лбу, голову подчистую снесет.

— Климова позовите, — попросил я, не меняя позы.

— Не двигайся! — резко потребовал один из братьев, но тут административный блок обежали двое бойцов, и атмосфера понемногу разрядилась.

А там и Клим подтянулся.

— Ну что опять такое, блин, на фиг?! — в сердцах выругался он. — Хмель, че за фигня?! Ты понимаешь, что мы тебя со стволом должны Дружине сдать? На северную промзону захотел?

— Расслабься, — попросил я и достал удостоверение резервиста. — С правом ношения огнестрельного оружия.

Климов внимательнейшим образом изучил документы и даже сверил серийный номер, потом брезгливо скривился.

— Ренегат!

— Вот только не надо, — поморщился я и убрал револьвер в сумочку.

— Что опять у тебя стряслось? — потребовал объяснений начальник охраны рынка.

— Мне бы кто сказал, — пробурчал я, напряженно обдумывая случившееся. — Не знаю. Ограбить хотели, наверное...

— И стрельбу устроили? — фыркнул Клим.

— Да не, — досадливо махнул я рукой. — Сначала какой-то тип с ножом подвалил. Его прикрывали просто.

— У нас не шалят, знаешь ли.

— Мало беспредельщиков в Форте?

— Да уж хватает, — вздохнул начальник охраны, соглашаясь с моими словами, и огляделся. — Так, значит, дружинников не вызывать?

— На фига? — искренне удивился я. — Они даже если постараются, никого не найдут.

Климов кивнул и опросил подчиненных, но те ничего толкового сообщить не смогли. Никто не видел машины налетчиков, никто не обратил внимания на них самих.

Я как смог описал внешность типа с ножом, затем подошел к простреленной задней дверце и аккуратно прикрыл ее.

Здесь не шалят? Ну да — братья грабителей не жалуют и в расход их пускают без всякой жалости. Но если бы по мою душу пожаловали жулики из Семеры, они бы действовали совершенно иначе. Расстреляли бы из автоматов — и все дела. Нож? Точно нет. Значит, не они.

— Поеду, пожалуй. — Я хлопнул Клима по плечу и забрался за руль. Голова просто гудела.

— Катись! — напутствовал меня приятель. — И поосторожней давай.

Я кивнул и захлопнул дверцу.

Теперь-то чего осторожничать? Второй раз не нападут. Не иначе залетные какие-то. Увидели машину, в машине товар, вот и позарились. Впрочем, надо и в самом деле поаккуратней быть.

Ну вот же сволочи какие! И так настроения не было, так они окончательно праздник испохабили! Поубивал бы!

Домой приехал злой как собака. По дороге отходняк накатил, потом и вовсе на душе мерзко стало. Не люблю, когда на меня наезжают, пытаются ограбить или убить. Я просто хочу спокойно жить, варить пиво, держать бар и не лезть в неприятности. До недавнего времени это неплохо получалось. А тут будто полоса черная пошла — одно к одному, одно к одному.

Когда, загнав УАЗ на задний двор, я прошел в бар, настроение нисколько не улучшилось. Народу — не протолкнуться, шум-гам, разве не накурено только! В углу магическими огнями магическая же елка мигает. Спасибо, конечно, Сане-чародею за подарок, но лично у меня от этого мельтешения голова болит и глаза режет. Не люблю.

— Ваня, будь добр, разгрузи машину, — попросил я помощника и заглянул на кухню, где хлопотала Ирина. — Можешь минут на пять отвлечься и за баром присмотреть?

Девушка смерила меня недовольным взглядом.

— А Иван что? — спросила она, вытирая руки полотенцем.

— Он продукты разгружает.

— А ты?

— Мне бы другим заняться. Так присмотришь?

— Присмотрю! — хмыкнула Ирина, стягивая через голову передник. — Куда деваться...

Я на последнюю ремарку никак не отреагировал и поднялся к себе. Разулся, кинул на кровать сумочку с револьвером, снял куртку. Немного постоял у окна и посмотрел на улицу, потом понял, что просто тяну время, и открыл превращенную в бар радиолу. Достал бутылку бурбона, налил полстакана, замахнул.

Алкоголь пошел плохо, аж передернуло всего. Но отпустило. Пусть на душе особо легче и не стало, зато напряжение немного улеглось. Расслабился слегка, смог спокойно обдумать случившееся.

Ну хотели ножом пырнуть и машину увести — разве это трагедия? Вот получилось бы — тогда да, тогда и в самом деле трагедия. А так ничего из ряда вон, рабочие будни.

Логично? Логично.

И какой тогда толк самого себя накручивать? И без того найдется кому на нервах поиграть. Ирине вон, например...

Я с обреченным вздохом отошел от окна и достал из шкафа коробку патронов четырехста десятого калибра и набор для чистки револьвера: оружейное масло, тканевые патчи, тросик для протаскивания хлопчатобумажных кругов через ствол.

По идее с револьвером ничего не случится, но оружие уход любит. Сниму нагар, заодно и сам успокоюсь.

Я занялся чисткой револьвера и уже почти привел его в порядок, когда постучали в дверь.

— Открыто, — повысил я голос и на всякий случай взял один из лежавших на кровати патронов. Когда в комнату вошел Иван, бросил его обратно.

— Там дыру новую в задней дверце заметил... — озадаченно произнес помощник. Увидел револьвер и принадлежности для чистки оружия и осекся. — Дядя Слава, только не говорите, что это самострел был...

Я покачал головой.

— Нет, ограбить пытались. Прямо у Колхозного рынка, представляешь?

— Совсем ошалели, — охнул Грачев.

— И не говори. — Я подошел к радиоле и вытащил из нее бутылку. — Будешь?

— Не, потерплю до вечера, — отказался помощник. — Так все обошлось?

— Как видишь.

— Гамлету звонили?

— Нет, — ответил я, не скрывая раздражения. — И не собираюсь.

— По уму, надо бы... — упрямо пробасил Грачев.

Я вздохнул:

— Ладно, тогда иди вниз и смотри, чтобы телефон никто не лапал.

Линии были параллельными, и меньше всего мне хотелось, чтобы Ирина оказалась в курсе случившегося.

Иван со спокойной совестью отправился в бар; я какое-то время бездумно смотрел на аппарат, затем поднял трубку и начал крутить диск, набирая номер. Но позвонил не в «Ширли-Муры», с Гамлетом общаться не хотелось. Да я и не должен с ним разговаривать. Это мое право обратиться к нему, а вовсе не обязанность.

Вот что я должен был сделать — так это предупредить Николая Гордеева. Во-первых, потому что обещал ставить в известность о подобных инцидентах. Во-вторых, потому что он мне голову оторвет, если узнает о нападении от кого-то другого. И будет в своем праве, если уж на то пошло. Почему? Правильно — потому что я обещал.

Николая дома не оказалось, трубку снял Саня-чародей. Он вызвался передать сообщение, но я только попросил их не опаздывать. В любом случае вечером увидимся, а вечер уже вот он: совсем стемнело на улице.

Я поднялся со стула, зарядил револьвер, убрал патроны и ящик с патчами в шкаф. Сразу и переоделся. Глянул на себя в зеркало, полюбовался на отражение худой физиономии с модной трехдневной щетиной и спустился в бар. Но сначала прицепил сзади на пояс кобуру с револьвером, благо длинная рубашка прекрасно скрывала его и при этом нисколько не топорщилась.

— Все на кухню унес? — спросил я помощника, оглядев заполненный посетителями зал.

— Все, — подтвердил Иван. — «Шершень» под стойкой.

Я заглянул под прилавок, где на своих местах лежали и жезл «свинцовых ос», и похожая на него как две капли воды пневматическая винтовка, и кивнул.

— Отлично.

Что ж, теперь можно и поработать, а то суета одна.

Можно — да. И я налил себе пива...

После восьми мы потихоньку начали сворачивать торговлю, но особо не лютовали, и те, кто хотел спокойно допить пиво, просто постепенно смешались к входной двери, пока Иван выдвигал освобожденные столы на середину комнаты, протирал их и накрывал скатертями. Последние клиенты какое-то время продолжали общаться стоя и отправились восвояси только без четверти девять, когда один за другим начали подходить выкупившие места завсегдатаи. Никаких обид — все было предупреждено заранее.

Потом с улицы заволок свое оборудование нанятый развлекать публику диджей, я отправил его в подсобку, сам снял каску и унес наличку в сейф. Продаж сегодня больше не ожидалось.

Когда поднялся из подвала, вновь позвонил в оружейный магазин, но там никто не ответил. Это немного даже напрягло. Я раздраженно бросил трубку на рычажки, поймал озадаченный взгляд помощника и покачал головой.

— Ничего, — успокоил его, припоминая, где валяется выданный соседом чарофон, но искать магическое средство связи не пришлось: почти сразу распахнулась дверь, и в бар прошел Гордеев собственной персоной.

Вслед за ним заскочил Саня, шумно потянул носом воздух и азартно потер руки. В силу энергетического истощения и приема лошадиных доз разных таблеток последнюю неделю он не пил вовсе и время понапрасну терять не собирался, но я перехватил его на подступе к стойке и попросил:

— Сань, давай помоги Ивану, — потом указал на заднюю дверь Гордееву, который заявился в гости с какой-то длинной картонной коробкой. — А ты проходи в подвал, не стой. — И уже тише добавил: — Поговорить надо.

Сосед удивленно глянул на меня, но на людях расспрашивать не стал и двинулся к лестнице, на ходу отряхивая от снега шапку. Мы спустились в подвал, там я взял с накрытого стола бутылку бурбона, плеснул в стакан и выпил.

Гордеев выложил непонятную коробку на стол, избавился от верхней одежды и спросил, желая начать разговор:

— Платон с Димой не пришли еще?

— Когда это Платон вовремя приходил? — усмехнулся я, налил еще, но пить не стал.

— Случилось что?

— Да как тебе сказать... — протянул я. — Ничего серьезного.

— Да неужели? Слава, ты только не темни...